

Грустная история с нежностью, двумя инфарктами и открытым финалом.

10 □ Собеседник 49'93

Татьяна Лаврова: «ЛЮБОВЬ ПРЕКРАСНА СИЮМИНУТНОСТЬЮ»

Все располагало к печальным раздумьям о Бытие. Особенно ветер, пустынная улица и фонарь, покачивающийся, как в плохом детективе. Я возвращался домой по тревожной вечерней Москве, и — как это пишут маститые писатели? — «в ушах продолжал звучать ее голос»:

— Знаете, я очень остро ощущаю конечность существования. Мне вообще кажется, что занавес в моей душе почти закрылся. И у меня нет паники по этому поводу, просто пытаюсь освоиться в новом для себя качестве.

Все располагало к печальным раздумьям о Бытии, а раздумья приходили не печальные. Потому что не с несчастным человеком разговаривал я только что, а с Женщиной (пишу с большой буквы, и в данном случае это правильно), которая очень достойно и очень по-женски прожила свою жизнь.

У нее была слава — такой мало кто из современных актрис удостоивался. В 24 года она сыграла в «Современнике» «Двое на качелях» в паре с Михаилом Козаковым — и стала знаменитой. Сыграла в «Десяти днях одного года» — и девочки стали носить прически «под Лаврову».

— В детстве я была ужасно инфантильным ребенком. Просто ужас какой-то. Даже в училище при Малом театре поступала только потому, что начиталась книжек про великую актрису Ермолову. Пришла прямо в школьной форме. От волнения голос пропал — чего-то там пощепала комиссия, и мне сказали: «Девочка, иди в школу учиться». Я расстроилась ужасно.

Вернулась домой, у нас телевизор был крошечный, и там «Белоснежку и семь гномов» показывали. Меня эта история потрясла! Я решила, как Белоснежка, собрать все силы и преодолеть все препятствия. И поступила в школу-студию МХАТ. Мне тогда 16 лет было...

Может, потому она и стала одним из символов поколения, которое сейчас называют «шестидесятниками», что когда все «делали жизнь» с Дзержинского и Корчагина — она делала ее с Белоснежки?

— А нет обиды за то, что судьба, начавшаяся ярко, так продолжалась?

— Обиды вообще нет. Не бывает. На судьбу обижаться нельзя. Судьба существует вне зависимости от нас, сама по себе. Мне сначала все так легко давалось, а потом пришлось расплачиваться. Это естественно.

— А как вы, девчонка, относились к своей славе?

— Почему-то совершенно спокойно, как к чему-то естественному. Знаете, я никогда не вела дневников, но в двадцать пять лет — именно когда на меня обрушилась эта известность — записала в толстой тетрадке: «Все кончено. Я здорово всех надула».

...Если бы я писал не интервью, а, например, пьесу о Татьяне Лавровой, — жанр я бы определил так: «Грустная история с любовью, двумя инфарктами и открытым финалом». Открытым, уважаемая Татьяна Лаврова, как бы ни было печально ваше нынешнее состояние.

А Москва была холодной, какой-то абсолютно чужой, и — как это говорят маститые критики? — перед глазами вставала ее последняя театральная работа. Работа, признаться, достойна того, чтобы вспоминать о ней в промозглой Москве.

Пьеса Теннесси Уильямса называется «Молочный фургон не останавливается больше здесь». Лаврова играет главную роль. Играет с такой отдачей, с такой страстью, так расходуя себя, как нынче не очень-то принято. Ее героиня знает, что умрет, и на краю смерти проживает целую жизнь: с любовью, страданиями, радостью, предательствами... Что тут особенно печалиться, если Актриса (пишу с большой буквы, потому что в данном случае это правильно) так умеет играть!

— У меня ощущение, будто это последнее, что я сделала. Последняя моя роль. Правда. Может быть, потому что тема такая страшная: героиня накануне смерти. А как можно смерть сыграть? Когда произносишь это слово — фантазия отказывается. Смерть не рождает воображение. А может, дело в том, что мне ни одна работа так тяжело не давалась. Во МХАТе мне вообще творчески не повезло. Лет шесть-семь ничего не играла. И тогда мне расхотелось играть вообще. Мне-то все казалось, что я — неистребима, оказалось — истребима. А потом Олег Ефремов предложил мне сыграть в этой пьесе, но ставить должен был не он, а другой режиссер. Поработали мы с ним год, все про пьесу говорили, ни на шаг не сдвинулись — расстались. Потом пришел второй, очень талантливый, очень знаменитый — за год провел три репетиции. Расстались. Потом мне посоветовали третьего — очень талантливый, но алкоголик. Расстались. Так прошло четыре года. Где-то в середине этой, скажем так — работы я получила инфаркт. На обследовании оказалось, что уже второй. Когда я лежала на больничной койке, думала: «Неужели это все? Конеч?» — а страха почему-то не было... И вот, к счастью, режиссер нашего театра Слава Долгачев согласился довести этот спектакль до премьеры. Репетировали три недели по пятнадцать часов. Я очень благодарна Долгачеву за эту работу, за его профессионализм и доброжелательность. Мне необходимо слышать хорошие слова о себе, потому что, если меня начинают душить — я сопротивляюсь, и никакого толка не получается.

Такова она, актерская жизнь... Впрочем, только ли актерская? И разве лишь актеру нужно это умение сопротивляться, когда душат? Однако печальных выводов из сказанного не ждите. Для меня здесь другое главное: умение довести дело до конца. Ценой пусть невероятных усилий — но до конца. А то ведь любим мы ссылаться на обстоятельства вместо того, чтобы делом заниматься.

Но когда обожжет лицо холодный (во всех прямых и переносных смыслах) московский ветер, то подумаешь: «А для чего все это — мучения, страдания? Ради того, чтоб на поклоны выйти, получить пяток букетов и пяток рецензий?»

— Конечно, у меня бывали в жизни депрессии: мол, то, что я делаю — никому не нужно. Но именно когда интерес к театру и к искусству вообще упал — у меня мощная внутренняя энергетика появилась. Думаете, сможете без театра обойтись, без искусства? Ничего у вас не получится! Вернетесь к нам! Так, между прочим, и происходит. Я абсолютно убедилась в этом совсем недавно. Мы играли нашу премьеру в тот вечер, когда случилось пуч. В антракте люди узнали, что происходит — и тем не менее никто не ушел. Я сначала удивилась: как они могут смотреть спектакль из жизни американских миллионеров, когда на улице творится такое? А потом поняла — зрители как бы говорили нам, артистам: «Возьмите нас к себе! Мы к вам хотим, в ваш мир — мы не хотим на улицу!» Вот вам и ответ на вопрос: «Зачем мы?»

— Работа — это я понимаю, а что еще дает вам силы, чтобы не сломаться?

— Мне дает силы, может быть, немного наглость, но абсолютное ощущение того, что я — не просто так, что есть во мне что-то, что Бог послал меня на эту землю не просто на прогулку. А когда моложе была — все время находилась в состоянии влюбленности, и это тоже силы придавало. Причем для меня было не очень важно: получаю я ответ или нет. Главное, самой влюбиться. И когда я вдруг поняла, что никак не могу влюбиться — это были весьма неприятные переживания. Раньше чтобы у меня вечером дома гостей не было? Да никогда! Теперь все другое. От общения с большим количеством людей устаю...

Героиня Лавровой в спектакле «Колея» все того же чеховского МХАТа говорила, что есть одно средство защититься от этой жизни — дом, теплый дом. У Татьяны Лавровой — замечательно теплый дом. Почему — не объяснит. Сын — двадцатипятилетний скульптор, который хоть и живет отдельно, но у мамы быва-

ет куда как часто. Собака — огромная лайка, похожая на волка, лает громко, а смотрит печально и по-доброму. Мебель старинная, фотографии и картины — на стенах...

— Что ж говорить? Я свою жизнь профукала. У меня было три мужа, от всех я ушла сама. И всегда была виновата сама. Мои мужья говорили, что я была хорошей женой, и я вроде могу делать все, что необходимо уметь делать жене, но абсолютно не умею жить в быту. Бытовая жизнь меня раздражает, становится скучно от однообразного существования — и я уйду.

— Вы, наверное, не любите давать советы?

— Терпеть не могу. Воспитывая своего сына, я убедилась, что человека невозможно воспитывать — в смысле делать ему какие-то прививки, инъекции. Нельзя свои взгляды навязывать. Меня мужья тоже почему-то все время хотели перевоспитывать. Почему?

— И все же... Дайте совет тем молодым девочкам, которые влюбляются и совершенно не понимают, как себя вести в этой чертовой, непонятной любви.

— Единственное, что я могу сказать: любовь прекрасна не перспективой, а сиюминутностью. Женщина, влюбившись, часто начинает думать о перспективах отношений и тем портит все дело. Любовь прекрасна именно в тот момент, когда она происходит, от этого надо получать счастье.

...Ты не бойся, черный ветер, над моею головой. Потому как это большой вопрос: в чем же истинное счастье жизни? В том ли, чтобы всю жизнь прожить с одним человеком тихо, спокойно и по-своему прекрасно. Или же в том, чтобы много раз в жизни подниматься на невероятные, облачные выси — откуда падать, конечно, больно, но и летать там прекрасно. Не мое это дело — оценивать, одиноко живет знаменитая актриса Татьяна Лаврова или нет, но как человек, который не чужд восприятию чужого опыта, я понимаю: у нее была настоящая, счастливая, женская жизнь. Счастливая — подчеркиваю еще раз, хотя там всякое было наметано (скажем, впервые узнав об измене своего любимого человека, она упала в обморок), и всякое иное было — о чем не рассказывают. Но жизнь полная, настоящая. Стоящая.

— Обиды на собственную судьбу нет, это я поняла. А обиды за судьбу своего поколения?

— Нет. Тут другое, тут скорей удивление сегодняшнему времени. Деньги? Раньше страдала, что их нет, а теперь думаю: «Разве если нет денег, значит — ничего нет? Глупость какая... Нет — и ладно». Может, здесь гены роль играют? Мой прадед Видула Морозов был богатейший человек, и к деньгам относился легко, спокойно. Удивляет скорей наше отношение к своему прошлому. Какая-то темная лагуна заваливает прошлое. Но ведь только варвары могут кричать, что у них не было прошлого, не было искусства. Разве это так? Здесь не обидя, здесь скорей онемение. Я «онемевая».

Если вы хотели прочесть традиционный материал об актрисе, которая ярко начала, а потом как-то все наперекосяк пошло — извините, не хочу я про это писать. Неправда это. И никакой фонарь качающийся, и никакая Москва холодная не навеют мне мыслей печальных. Потому что судьба подарила мне встречу с Женщиной, которая прожила жизнь свою достойно и полно. И продолжает жить так же. А что до того, что она о смерти думает — так, кажется, лишь наши, вечнопессимистичные политики не задумываются об этом. Для меня лично Татьяна Лаврова — человек не печальный, а глубокий. И жизнь ее не грустная, а наполненная. Наверняка будет в ее жизни еще что-то замечательное. Непременно. Недаром так часто снится ей один и тот же сон.

— Знаете, сон такой странный. Я вижу огромную книгу, массивные листы заполняются и переворачиваются сами собой, но мне никак не удается прочесть: что же там написано? А листы все заполняются и заполняются, идет интенсивная работа. Но что написано — разобрать не могу.

Холодная Москва заканчивалась теплым подъездом и домашним чаем. Бог мой, о чем я: нам ли, которые, кажется, родились с ироничной ухмылкой у рта, нам ли грустить об этой жизни!.. Но вот вопрос: когда нам покажется, что занавес жизни нашей закрывается, захочет ли кто-нибудь взять интервью у нас, будем ли мы кому-то интересны?

Андрей МАКСИМОВ.
Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.

1993/40

Лаврова Татьяна

